

Р. Г. АХМЕТЬЯНОВ (Казань)

НЕКОТОРЫЕ ТЕРМИНЫ ОБРЯДОВ И МИФОЛОГИИ БУЛГАРО-ЧУВАШСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ У НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

В период древней Булгарии (Волжской Булгарии), в XII—XIII вв., у народностей Среднего Поволжья выработалось культурное единство, которое отражается, в частности, в лексических изоглоссах — материальном либо структурном тождестве (кальки) многих слов, обозначающих понятия, связанные с государственностью и управлением, религией и духовной культурой, торговлей и метрологией, календарем и земледелием и т. д. С точки зрения этимологии эта общая лексика имеет разное происхождение — общетюркское и кыпчакско-тюркское, монгольское и булгаро-тюркское, угорское, пермское и мордовско-марийское и даже хазарско-еврейское и северокавказское.

Лингвистическая обработка, т. е. историко-этимологическая интерпретация этого материала, по существу только начинается. Работы М. Рясенена, Г. И. Рамстедта, М. Р. Федотова, И. Г. Добродомова, Л. С. Левитской и других являются лишь вступлением в эту область.

Ниже делается попытка историко-этимологического освещения группы слов из этой общей лексики, которые до сих пор не были предметом сколько-нибудь обстоятельного этимологического анализа и поэтому исследование их происхождения представляет собой известный интерес.

1. Коми *šulejkin* (или *čud*) 'водяной; маленькие злые подводные духи, которые выходят из воды «в день нового года и до крещения разгуливают свободно, по ночам пугая людей» (Белицер 1958 : 319), русск. диал. (архангельск., тобольск., сиб.) *шиликун*, *шуликон* 'ряженный; нечистый дух' (Фасмер 1973 : 438, автор считает этимологию этого слова неясной), тат. диал., башк. *šülgän* — злой дух, один из двух сыновей первочеловека, впоследствии подводный царь, который имеет под водой бесчисленные стада скота (Башкорт халк, ижады : 33—144, 145—187, примечание на стр. 302), якут. *sülükün* 'хозяева подводного мира, которые разводят скот и выходят в дни Нового года (22 декабря — 5 января) из воды'. Так как они наперед знают, что случится в предстоящем году, якуты ходят в дни Нового года на *таһна*, т. е. слушать у проруби их разговор (Пекарский 1926 : стлб. 2390—2391; Якутско-русский словарь : 348).

Слова *šulejkin* ~ *šülgän* ~ *шиликун* ~ *sülükün*, по всей вероятности, являются звеньями одной цепи. Есть основания полагать, что это слово имеет монгольско-китайское происхождение, см. кит. *шуй-лун-хуан* (*šuj Luη хwoη*) 'император водных драконов', *шуй-лун* 'водный дракон' и пр. Хотя дракон в мифологии всех народов связывается с водной стихией (см. Erdész 1971 : 84—85), *шуй-лун-хуан* и *шиликун* имеют

общие дистинктивные признаки, а именно — связь с новогодними обрядами. Считалось, что если шуликунов в ночь Нового года вылезет много, год будет плохим, поэтому русские выходили «топтать шуликунов». Точно так же обилие драконов дождя было у китайцев плохим признаком, потому что либо драконы все будут поливать и год будет чрезмерно дождливым, либо они, надеясь один на другого, вовсе перестанут работать и год будет засушливым (Баранов 1927: 5). Между *šülgän* и *шуй-лун-хуан* то общее, что они — хозяйева воды и дождя и имеют по красавице-дочери, которые влюбляются в обычных людей. Кит. *шуй-лун-хуан*'у полностью соответствует монг. *усун лобсон*, *усун ловшон*, бурят. *уһан лобсон* (лобсоголдой) 'водяной лобсон (дракон)' — полукалька из китайского языка (см. Lórcincz 1973 : 117—118; Хангалов 1959 : 269—272). У монголов имеется еще *шанлун*, *санлун*, *шэнгэлэн*, *сэнгэлэн*, *šenglung* — отец основного героя монголо-бурятской мифологии и эпоса Гэсэра, один из трех сыновей бога-отца (из кит. *šan' luq* 'горный дракон') и *луу*, *лоу*, *лов* 'дракон дождя, голос которого — гром, извивы хвоста — молния' (Банзаров 1955 : 63—64) с тюркскими параллелями (см. ниже о *läw*).

К словам *шуй-лун хуан* и *шан-лун*, восходит, вероятно, и древнеболг. *шарукань*, венг. *sárkány*, половецк. *сазган* 'дракон' (Добродомов 1974 : 11, 19) и казах. *sazqan* 'молния' (Аманжолов 1959 : 415), башк. диал. *hazqan* 'вампир' и пр. (*шуй-л'ун хуан* > *šarukan > *šarqan* > *sazqan). Башкирский эпос о *šülgän* самобытен, глубоких следов влияния русских суеверий там не может быть. Это обстоятельство, на наш взгляд, говорит о том, что и коми *šulejkin* заимствовано из Поволжья в древности. Рус. *шиликун*, вероятно, заимствовано из коми на севере, а вариант *шюлюкюн* (Пекарский 1926) — из якутских диалектов. Наши предположения отчасти подкрепляются и приведенными ниже этимологиями.

2. *nardugan* 'святки; святочные игры и гадания', судя по доступному нам материалу, распространено только у народов Среднего Поволжья: тат., башк. *nardugan*, чув. *nartukan*, *nartävan*, удм. *nardugan*, мордЭ *nardava*, мордМ *nardvan* 'святки; святочные гадания на кольцах и с подблюдными песнями и с театральными представлениями; ряжение; выступление в образах животных, например, верблюда и пр. —, с хождениями молодежи по домам' (Гаврилов 1891 : 22—26; Даулей 1903; Матвеев 1907; мордовско-русские словари; Munkácsi 1952 : 31—33; Мухамедова 1972 : 197—198; Баязитова 1972 : прил. на 23—28 и др.). В. Г. Егоров (1964 : 137) объяснял это слово на основе монг. *nar* 'солнце' и тат. *tugan* 'рожденный', исходя из того что *nardugan* праздновался начиная с 25 января, т. е. с «зимнего солнцестояния». Однако против такой этимологии говорит то обстоятельство, что *nar* в значении 'солнце' ни в татарском, ни в соседних языках не зарегистрировано. Да и содержание обрядов *nardugan* дает мало оснований для толкования его как 'день рождения солнца'. Жизненный смысл *nardugan* везде сводился к веселому времяпровождению молодежи в самое темное время года, при этом какая-либо религиозная этика не соблюдалась. Наоборот, все местные религии отвергали обряды *nardugan'a* и поэтому он назывался у татар *šajtan tujä* (Даулей), у чувашей *šujttan väjji* (Тимофеев 1972 : 214—215), т. е. 'чертова свадьба, чертова игра'. Само празднование зимнего, а также летнего солнцестояния с гаданиями и увеселениями молодежи распространено очень широко: оно имело место не только у тюркских и финно-угорских народов (Попов 1972 : 44—45), но и у русских и украинцев (Чичеров 1957 : 171—173; Пропп 1963 : 107—109), у всех народов Европы (Holmberg 1913 : 107—111), а также в Сибири, Средней Азии и Иране.

Следует отметить, что *nardugan* в узком смысле — только наименование одного из его обрядов, а именно — гадания о женихе.

Одним из самых распространенных способов гадания о женихе было схватывание за ногу одну из овец в темном хлеву (гадали по тому, какая попалась овца). Поэтому у некоторых групп чувашей и марийцев весь праздник назывался *сopхури*: чув. *surçuri*, *surâç uri* или мар. *şò:râk-jö-l 'овечья нога'* (Ашмарин XI 1910—1950 : 197—199; Wichmann 1901 : 58—60).

Собственно *nardugan (nardugan salu)* 'гадание на кольцах' у татар выполнялось следующим образом: «в двенадцать часов» ночи двое молоденьких девушек набирали в кувшин или ведро воду из проруби и несли, не оглядываясь назад, в дом, где уже их ждала целая группа девушек на выданье. После некоторых шуточных «колдований» все собравшиеся клали в сосуд с водой свои именные перстни. Затем одна из девушек начинала распевать:

narduganâm nar bulsân,
eçe tulâ nur bulsân,
nardugan keven kem külläsä,
şul bâhetle jar bulsân

(Мухамедова 1972 : 197),

т. е. 'пусть мой *nardugan* будет *nar* (?), внутри его пусть будет светло, кто запоет (с нами) песни *nardugan*, та пусть будет счастливой возлюбленной'. После этого введения собравшиеся по очереди или хором пели гадательные куплеты, а одна, самая молодая, вынимала из воды кольца-перстни. Текст очередного куплета считался относящимся к судьбе того, чье кольцо вынималось.

Такой же способ гадания о женихе во время зимнего солнцестояния (за исключением набора воды из проруби, навеянного легендой о шиликунах, см. выше) был распространен у народов Ирана, причем гадание проводилось, как и *nardugan* ~ *sorâk-jol*, в последнюю неделю солнечного года (Хедаят 1958 : 134—315; Wichmann 1901 : 58—60). Вообще все обряды *nardugan* (в широком смысле) являются подражаниями обрядам перс. *çâhârşambei suri* 'последняя среда года' (Хедаят 1958; Ахметзянова 1974; Нурджанов 1953; Рахимов 1958). Таким же образом, но летом гадали о женихе армянские и кизилбашские девушки (Лисициан 1955 : 263—264), причем гадательные песни туркоязычных армян-кизилбашей поразительно напоминают соответствующие татарские:

vîzak, vîzak ola,
içi dolu gül' ola,
vîzaga gelenin nijeti kabul ola

(Гордлевский 1960 : 250)

'пусть будет *vîzak, vîzak* (названия гадания: арм. *vîzak* 'кувшин'), пусть внутри его будет полно цветов; кто приходит на *vîzak* — пусть ее желания сбудутся'.

В татарском языке *nardugan* в широком смысле имел и другие названия: *çiriçjâ, istârgân* (Баязитова 1972) и *sâümât* (Гаврилов 1891 : 22—26). Исследование этимологии этих слов существенно подкрепляет наше мнение об иранском происхождении *nardugan*.

Слово *çiriçjâ* зафиксировано у отатарившихся чувашей. По всей вероятности, оно происходит от чув. **çille puşije* (> **çilpuşje* > тат. *çiriçjâ*), т. е. 'на начало *чилле*'. Дело в том, что *nardugan* справлялся в начале периода зимних *чилле* (тат. *çellä*) — сорока самых холодных дней (из перс. *çille* 'сороковка, карантин'), которыми считались дни с

25 декабря по 5 февраля. У киргизов дух, насылающий мороз, назывался *čilde baba* 'дед Чилле', у татар — *nardugan babasā* 'дед нардугана'. У тюркских народов, как и в Иране, отмечались еще летние *чилле* — сорок самых жарких дней (25 июня — 5 августа). Начало их знаменовалось праздником цветов и армянско-кизилбашское гадание *vizak* проводилось именно в это время. Летний *nardugan*, по-видимому, праздновался и у касимовских татар (Гордлевский IV 1968 : 195).

Есть все основания полагать, что «праздник цветов» отмечался у народов Урало-Поволжья. Только здесь этот праздник приобрел особые черты.

У народов Урало-Поволжья издавна почитался дух — хранитель нив, называемый тат. *basu anasā*, *arāš anasā*, чув. *iraš amāša*, мар. *uržaβa*, эрз. *porov ava*, *rožava*, удм. *žeganaj* — везде букв. 'мать поля, мать ржи' (так называлась и спорынья — отметинка «матери ржи»). В дни летнего солнцестояния 'мать ржи', по поверьям, находилась в состоянии предродовой беременности, ее легко было рассердить, поэтому эта пора называлась тат. *ajau*, *ojau* ~ чув. *ujav* ~ мар. *oja*, *aja* 'бережливость, деликатное отношение' или чув. *šinše*, мар. *səŋsa* (Holmberg 1913 : 129—130), тат. диал. *nāzek* 'тонкая (пора)' или еще удм. *vožo dīr*, мар. *šā-de arāna* 'сердитое время (неделя)'. В эту пору запрещалось пахать, косить, рубить деревья, т. е. так или иначе «обидеть мать-природу» (Емельянов 1921 : 133—135; Денисов 1959 : 140—145; Ёпымарий 1926 : 283; Смирнов 1895 : 209—210). В эти дни справлялись обряды жертвенного характера, которые обнаруживают связь культа природы с культом воды. Наиболее подробно в литературе описан удм. *vožo dīr*. *vožo* 'гнев' (или *šur vožo* 'речной гнев') — замена табуизированного названия некоего духа воды, который иногда проносился над водами в виде метеора, огненного дракона (Wasiljev 1902 : 5, 142). *vožo* в дни солнцестояния требует тишины около воды, особенно — в полдень; в случае нарушения тишины он насылет болезни, от которых надо откупаться жертвоприношением (Holmberg 1913 : 80—82, 88—96). У елабужских удмуртов *vožo* — множество мелких подводных духов, похожих на *šulejkin* (Wichmann 1901 : 134—140). От *vožo*, по-видимому, надо отличать *in vožo* 'небесный гнев'; последнее воплощено в некую траву необыкновенной красоты (Wasiljev 1902 : 142). У марийцев и коми это вполне определенное растение — гвоздика, растущая среди ржи, которая по-марийски так и называется *səŋsa* 'тонкая' (из чув. *šinše* < булг. *ziniže ~ общетюрк. *jiničke* > тат. *nečkā* 'тонкий'). Таким образом, как будто прослеживаются родственные связи между духами воды, цветов и ржи (Holmberg 1913 : 109—110, 129—130). В дни солнцестояния (с 20 июня) в предродовом состоянии, очевидно, не *vožo*, а *in vožo* 'дух цветов (и ржи?)'. Это вытекает из того, что у татар имеются легенды о чудесных цветах *abaga čäčäge* 'цветок папоротника' (~ чув. *uβaβa* 'папоротник; спорынья', марГ *aβa-βa* 'шелуха на зернах', удм. *abalgi* 'папоротник', вост. тюрк. *avaya* 'дел; медведь; медвежья трава'), *janar čäčäk* 'горящий цветок', *atalmas čäčäk* (удм. *atalmas šäško*) 'цветок, который нельзя назвать', *čäčäk anasā* 'мать цветов' очень похож на *in vožo*: если *čäčäk anasā* не принести жертву, то она насылет оспу и т. д. С другой стороны, жертвоприношение воде цветами у татар называется *zimčäčäk* (*zim* 'наживка, корм, подаваемый кому-нибудь', *čäčäk* 'цветок'); мар. *jamšiner*, *jemšener* 'злой дух источников, требующий жертвы одеждой' (Городской 1864; Holmberg 1913 : 125). У удмуртов подобные жертвоприношения назывались *saltim* и состояли в том, что в воду бросали одежду самой молодой снохи в деревне

(Munkácsi 1952 : 135—136). Чуваши приносили в жертву 77 видов трав (Комиссаров 1912 : 388), а армяне и персы — семь видов цветов (Лисициан 1955; Хедаят 1958).

Какие-то жертвы, вероятно, приносили и во время зимнего солнцестояния, которое у удмуртов называлось также *vožo-dīr* (Емельянов 1921 : 133—135) или *in-vožo* (Munkácsi 1890—1896). Очень возможно, что в древности обряды, связанные с зимним и летним солнцестоянием, сопровождались приношением в жертву девушек по жребию и впоследствии девушки были заменены их одеждой или цветами. Отголоски этого, в частности, сохранились в мордовской сказке «Дочь пастуха» (Атянин 1971 : 39—50).

Второе из татарских названий новогодних гаданий *istärgän* 'приметы' происходит из *istär-* < *iskär-* 'примечать'. «Приметы» включали в себя подслушивания у колодца или проруби; нечто подобное было и у удмуртов, которые для «подслушивания земли» чертили круг на снегу и ложились внутри него (Wasiljev 1902 : 115—116). Очевидно, круг — это имитация проруби (см. выше о якутском обряде *таңна*).

Третье из татарских названий *нардугана* *säumät* вообще означает 'жребий' (из араб. *sahumat* 'кидание стрел, жребий'). Это слово дает ключ к разгадке *nardugan*, ибо из него следует, что в основе этого слова лежит понятие 'жребий'.

Из приведенного выражения *narduganäm nar bulśän* как будто выясняется, что корнем *nardugan* является *nar*. В татарском и других тюркских языках, действительно, есть слово, обозначающее нечто, в чем большую роль играет жребий. Это тат. *nard*, *närd* (Троянский 1833—1834 : 253), уйг., узб., азерб., тур., монг., калм. и др. *närd* (Ramstedt 1935 : 271) 'игра в нарды' (из тадж., перс. *nard* < санскр. *nalada* — вид растения), которая заключалась в том, что двое играющих берут из специального сосуда наугад фишки, на которых нанесены цифры с обозначением числа ходов, на которые следует продвигать эти фишки по доске. От слова *nard* происходит и перс. *närdäk* 'загадка' (*närdäkon* 'загадки'): известно, что во время *vožo-dīr* говорили загадками *vožomad* (Fuchs 1958 : 165—166). Слово *nardugan*, видимо, происходит от болгарского *nardakun 'загадки, время загадок' (из персидского) или от болгарского же *nard tuvakan (булг., чув. *tu-* 'совершать, делать'), т. е. 'гадание по нардам, по жребию'.

3. МарГ *šüräl* 'леший' (Räsänen 1923 : 65), удм. *šurali*, *urali* 'нечистый дух, который кричит в лесу и зовет человека; ночная птица, филин', башк., казах., тат. *šüräle* 'шерстистое одноногое существо с тремя пальцами, обитающее в лесу' (Коблов 1910 : 428—432), чув. *šürellä* — название божества, *šürel* 'мелкий дух, чертенок', *šüreki*, *šürekke* 'черт, нечистый'. По кругу значений здесь совпадение со словами, обозначающими в языках Урало-Поволжья легендарные существа — «половинники», ср. удм. *palesmurt* 'леший одноглазый и одноногий' (*pales* 'пол, половина', *murt* 'человек', см. Смирнов 1890 : 198; Емельянов 1921 : 124), тат., башк. *jarämtäk* 'половина, полчеловека, обитающий в лесу' (Руденко 1955; Рамазанова 1968 : 435—436), чув. *arśuri* 'полмужчины, леший', *amaśuri* 'полженщины, лешая' (Ашмарин 1910 : 308—311; Тимофеев 1972 : 407—410; Каныков 1971 : 28—35). Про *šüräle* и *jarämtäk* ~ *palesmurt* (*päçesmurt*) рассказываются одни и те же легенды — что они любят щекотать человека до смерти и кататься ночью на лошадях (Wichmann 1901 : 84—87; Яшин 1974). Мифологический образ половинника выходит далеко за пределы Урало-Поволжья, см. якут. *sučunä* 'гиганты-охотники с одной ногой, одной рукой и одним глазом' (Исторические предания и рассказы якутов 1960 : 115—118),

эвенк., эвен. *čulugde, čoleke* 'одноногие, однорукие, одноглазые людоеды-кузнецы' (Эвенкийско-русский словарь 1958) ~ общетюрк. *čolak* 'калека; однорукий или одноногий человек'. Легенды о половинниках имеются также у ненцев — о *parnee* (Lehtisalo 1924 : 40—43), у манси — о *čumpal* (Kannisto 1958 : 231—232), у нганасанов — о *sage* и других народов Севера и Сибири. Исходя из этих данных, логично предположить, что *šüräle, šüreki* тоже не что иное как половинник. Если это так, то оно, конечно, происходит от чув. *šürä, *šüräkä 'половина, половинка, осколок' (< общетюрк. *zar* 'расколоть надвое', см. кирг. *žaraŋka, žaraka* 'осколок; мелко колотые дрова', *žarakı* 'тот, кто вносит раздвоенное, разлад; смутьян'); в болгарском языке имелись слова *žara, *žaraka, заимствованные из кыпчакских языков; эти основы в болгарском и чувашском языках претерпели изменения огласовки первого слога и общее опереднение (*žara, žaraka* > *žora, žoraka* > *šura, šuraka* > *šürä, šüräkä*). Чув. *šürälä 'человек, в которого вселился *šürä'; аффикс обладания *-lä, -lä* образует в языках Среднего Поволжья названия лиц, в которых якобы вселились злые духи, см. тат. *ženle* 'бесноватый' (*žen* 'бес'), *ubärlä* 'человек, в которого вселился *убыр*' (см. ниже) и др. Ср. также коми *gundiŋli* 'человек, в которого вселился *gundiŋ* (многоголовое чудовище)' (Fuchs 1924 : 265), *гундыр* 'медведь; огненный дух воды' (Плесовский 1972 : 117), похожий на *вожо*'.

Переход *šürälä > *šürälä* осуществился, вероятно, в марийском языке (чув. *š* > мар. *š*; см. Räsänen 1920 : 32—33); чув.-тат. *šürälä* заимствовано уже из марийского языка (в других языках из татарского). Сказанное подтверждается и тем, что в марийском языке имеется слово *šurločo* 'ночная птица; ночной дух'. Оно состоит, по всей вероятности, из *šur* 'половина' (из чувашского) и *ločo* 'карлик; осколок, половина' (исконное), т. е. первоначально здесь было парное слово *šur-ločo* с однозначными компонентами.

Иногда легенды о половинниках рассказываются и о мар. *obda* ~ удм. *obida* ~ чув. *upäta, opate* ~ тат. *apata, atapa* — легендарных существах с повернутыми ступнями (Аккорин 1967 : 159—160; Ашмарин 1910—1950 : 254, татарские диалектологические словари). Но в целом *obda* имеет иное — монгольско-санскритское происхождение (Räsänen 1920 : 157). Однако и этот образ, конечно, относится к мифологии, распространившейся в Урало-Поволжье в болгарские времена.

Следует еще отметить, что этимология *šüräle* < *čuralä* 'имеющий раба' (Татары Поволжья и Приуралья 1965 : 342—372) совершенно неприемлема с точки зрения как семантики, так и морфологии и фонетики.

4. Тат. диал. *läbär šajtan*, чув. *läpär* 'дух, пожирающий солнце и луну, который иногда вселяется в старух и они становятся людоедами — едят своих детей, внуков' (Тимофеев 1972 : 67—68, 406—409). Это слово, несомненно, происходит из тат. (кыпчак.) *läw ubär* 'упырь-дракон', про которого рассказывается то же, что и про *läbär*.

läbär < *läw ubär* является синкретическим образом, вобравшим в себя признаки духов *läw* и *ubär*, о которых надо говорить отдельно.

Тат. *läw*, башк. *läw, läwän* (Азнагулов 1972 : 14—15), кумык., ногай. *eliv, elev*, уйг. *lu, lo*, якут. *luo*, туркм. *luva*, хакас. *luga*, древнетюрк. *lū, lūi* 'дракон; дух смерти; мор' считается заимствованием из китайского *lūŋ, lūŋa* 'дракон' (Радлов III 1889—1910 : 759, 761; Древнетюрк-

ский словарь 1969 : 334). По китайской легенде змея, прожившая тысячу (сто) лет, превращается в *lūna*, которая пытается проглотить солнце и луну; она же, прожившая еще тысячу (сто) лет, превращается в оборотня (Иванов 1949 : 136—137). Такая же легенда существует у удмуртов о *juxo*, у татар, башкир и чувашей о *juħa*, *juħħa* (Ибрагимов 1974 : 62—63). Весьма вероятно, что тат., башк., чув. *juħa* представляет собой продолжение древнего *luħa, *luħa, самостоятельно заимствованного древними булгарами (гуннами) из китайского *lūna*: переходы *l- > j-* и *γ, q > χ* были свойственны именно болгарскому и чувашскому языкам (Сергеев 1973 : 83—84, 100—105). Русск. *юха* 'шалун, озорник' (Фасмер 1973 : 536) заимствовано из языков Поволжья (тат. *juħa* имеет также значения 'льстивый; льстец; баловень').

Что касается удм. *ubir*, *uber*, чув. *vorðr*, *vurðr*, мар. *βuβe-r*, *u-βe-r*, тат., башк. *ubār* 'упырь, ведьма, дух-обжора, который вселяется иногда в людей и те становятся людоедами', то это слово происходит от общетюрк. *op* 'проглотить целиком' (см. общетюрк. *obur* 'упырь' и этимологические словари Рясенена, Севортыана и др.).

Генетически *läw* и *ubār* — разнородные духи; различаются и их исконные свойства, но у народов Урало-Поволжья их значения переплетаются. Способность проглотить солнце и луну у марийцев и удмуртов, например, приписывается мар. *βuβe-r*, удм. *ubir* (Емельянов 1921 : 197), между тем тат. *ubār* — куда более безобидное существо.

5. Мар. *jatas* (Räsänen 1923 : 29), тат. *jadäc*, *zädäc*, *zädäc*, башк. *sätäš*, *sazäš*, чув. *jetes*, *ites* (Ашмарин 1910 : 61), гагауз. *jadiz*, ногай. *jebedesin*, абазин. *sandis*, *kandis*, кабард. *kandes* 'птичья дужка, которая ломалась в знак заключения пари; спор, пари'. В. Г. Егоров считал это слово заимствованием из перс. *jāddašt* 'меморандум, нота, записка', что, однако, не объясняет связь пари с птичьей (обычно петушиной) дужкой. Игра-пари с птичьей дужкой, действительно, была распространена в Иране, но она там называлась иначе. Поскольку переходы *k > s* и *k > j* относятся к необратимым, из приведенного ряда более старшим вариантом надо считать северокавказское *kandez и, значит, это слово было заимствовано из адыгских языков древними булгарами (*k > j* в анлауте!) в период пребывания на Северном Черноморье.

По своему исходному значению обычай *jätäs* связан с культом предков — об этом говорит то обстоятельство, что у чувашей (Ашмарин 1910 : 61) и у мордвы (Евсевьев 1931 : 29) ломали дужку петуха в поминальный праздник и на кладбище. Чуваша считали, что тому, кто не выполнит условий пари, придется выполнить их на том свете. Но при этом заключившие *jetes* считались близкими друзьями (Тимофеев 1972 : 183—184). Мордва не спорила, а гадала о том, чей дед (или бабка) скорее умрет, поэтому обычай назывался *atañ-babañ kuloftama* 'отправление (на тот свет) дедов и бабок'.

ЛИТЕРАТУРА

- Азнагулов Р. Г. 1972, Языковые особенности башкир Оренбургской области. Автореферат канд. дисс., Уфа.
 Акцорин В. А. 1967, Этногенез марийского народа по данным фольклора. — Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола, стр. 159—164.
 Ананжалов С. 1959, Вопросы диалектологии и истории казахского языка II, Алма-Ата.
 Атянин Ф. 1971, Серебряное озеро. Рассказы и сказки, Саранск.
 Ахметзянова Л. 1974, Старинные праздники в современном Иране. — Азия и Африка сегодня, № 7, стр. 22—25.

- Ашмарин Н. И. 1910—1950, Словарь чувашского языка, т. 1—17, Казань—Чебоксары.
- Банзаров Д. 1955, Собрание сочинений, Москва.
- Баранов И. 1927, Китайский новый год, Харбин.
- Башкорг халк ижады, т. 1 (Эпос), Уфа 1972.
- Баязитова Ф. 1972, Татар теленен Тубән Кама тирәсендә таралган сөйләшләрә, Казан (канд. дисс., рукоп.).
- Белицер В. Н. 1958, Очерки по этнографии народов коми, Москва—Ленинград (Труды Института этнографии, новая серия, т. XII).
- Гаврилов Б. Г. 1891, Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда. Материалы IV археологического съезда в России, т. II, Казань, стр. 80—126.
- Гордлевский В. А. 1960, 1968, Избранные сочинения, т. I, IV, Москва.
- Городской Г. О. 1864, О черемисах, проживающих в Красноуфимском уезде Пермской губернии. — Этнографический сборник VI, Санкт-Петербург, стр. 32.
- Даулей Р. 1903, Святки у крещеных татар. — ИОАИЭ (Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете) XIX, стр. 196—203.
- Денисов П. В. 1959, Религиозные верования чуваш, Чебоксары.
- Добродомов И. Г. 1974, Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках, Москва (автореферат докт. дисс.).
- Древнетюркский словарь, Ленинград 1969 (ДТС).
- Евсеев М. Е. 1931, Эрзянь-рузонь валкс, Москва.
- Егоров В. Г. 1964, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары.
- Емельянов А. 1921, Курс по этнографии вотяков, Казань.
- Ибрагимов Г. 1974, Эсарлар, т. I, Казань.
- Иванов С. В. 1949, Мамонт в искусстве народов Сибири. — Сборник музея антропологии и этнографии XI, Москва, стр. 133—154.
- Исторические предания и рассказы якутов I, Москва—Ленинград 1960.
- Канюков В. 1971, От фольклора к письменности, Чебоксары.
- Коблов Я. Д. 1910, Мифология казанских татар. — ИОАИЭ XXVI, стр. 415—475.
- Комиссаров Г. 1912, Чуваша казанского Заволжья. — ИОАИЭ XXVIII, стр. 310—432.
- Лисициан С. Д. 1955, Очерки этнографии дореволюционной Армении. — Труды Института этнографии XXVI, Москва—Ленинград, стр. 182—264.
- Матвеев С. 1907, Гадание на кольцах у крещеных татар. — ИОАИЭ XXIII, стр. 40—45.
- Мухамедова Р. Г. 1972, Татары-мишари, Москва.
- Насибуллин Р. III. 1973, Некоторые названия флоры в языке закамских удмуртов. — Вопросы удмуртского языкознания, вып. II, Ижевск, стр. 152—161.
- Нурджанов И. 1953, Истоки народного театра у таджиков. — Краткие сообщения Института этнографии XVIII, Москва—Ленинград, стр. 103—109.
- Пекарский Э. К. 1926, Словарь якутского языка, вып. 8, Ленинград.
- Плесовский Ф. В. 1972, Медведь как прообраз дракона в волшебных сказках коми. — Проблемы изучения финно-угорского фольклора, Саранск, стр. 109—117.
- Попов А. И. 1972, Вопросы исторического изучения фольклора финно-угорских народов. — Проблемы изучения финно-угорского фольклора, Саранск, стр. 41—45.
- Пропп В. Я. 1963, Русские аграрные праздники, Ленинград.
- Радлов В. В. 1889—1910, Опыт словаря тюркских наречий, Санкт-Петербург.
- Рамазанова Д. Б. 1968, Татар теленен Урта Кама тирәсендә таралган сөйләшләрә, Казан (канд. дисс., рукоп.).
- Рахимов М. Р. 1958, Следы древних верований в земледельческих общинах и обрядах таджиков Каватегина и Дарваза. — Краткие сообщения Института этнографии XXXIX, Москва—Ленинград, стр. 76—83.
- Руденко С. И. 1955, Башкиры, Москва—Ленинград.
- Сергеев Л. П. 1973, Консонантизм верхового диалекта. — Чувашский язык, литература и фольклор 2, Чебоксары, стр. 39—125.
- Смирнов И. Н. 1890, Вотяки, Казань.
- 1895, Мордва, Казань.
- Хедаят С. 1958, Нейренгистан (обычаи и обряды персов). — Труды Института этнографии XXXIX, Москва—Ленинград, стр. 259—263.
- Татары Поволжья и Приуралья, Москва 1965.
- Тимофеев Р. Т. 1972, Тяхъярл, Чебоксары.
- Троянский А. 1833—1834, Татарско-русский словарь I—II, Санкт-Петербург.
- Упымарий. 1926, Мавий мутәр, Моско.
- Фасмер М. 1973, Этимологический словарь русского языка IV, Москва.
- Хангалов М. Н. 1959, Собрание сочинений 2, Улан-Удэ.
- Чичеров В. И. 1957, Зимний период русского земледельческого календаря, Москва—Ленинград.
- Эвенкийско-русский словарь, Москва 1958,

Якутско-русский словарь, Москва 1972.

- Яшин Д. А. 1974, Общие мотивы в сказках пермских и тюркоязычных народов Поволжья. — Фольклор народов РСФСР I, Уфа, стр. 63—68.
- Erdész, S. 1971, Drachentypen in der ungarischen Volksüberlieferung. — Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae 20, Budapest, стр. 85—128.
- Fuchs, D. R. 1924, Beiträge zur Kenntnis des Volksglaubens der Syrjänen. — FUF XVI стр. 237—274.
- Holmberg, U. 1913, Die Wassergottheiten der finnisch-ugrischen Völker, Helsinki (MSFOu XXXII).
- Kannisto, A. 1958, Materialien zur Mythologie der Wogulen, Helsinki (MSFOu 113).
- Lehtisalo, T. 1924, Entwurf einer Mythologie der Jurak-samojeden, Helsinki (MSFOu LIII).
- Lőrincz, L. 1972, Die mongolische Mythologie. — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae XXVII, Budapest, стр. 103—126.
- Munkácsi, B. 1896, A votják nyelv szótára, Budapest.
- Munkácsi, B. 1952, Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken, Helsinki (MSFOu 102).
- Ramstedt, G. J. 1935, Kalmückisches Wörterbuch, Helsinki (LSFU III).
- Räsänen, M. 1920, Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen, Helsinki (MSFOu XLVIII).
- Räsänen, M. 1923, Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen, Helsinki (MSFOu L).
- Wasiljev, J. 1902, Übersicht über die heidnischen Gebräuche, Aberglauben und Religion der Wotjaken, Helsinki (MSFOu XVIII).
- Wichmann, Y. 1901, Wotjakische Sprachproben II. — JSFOu XIX, стр. 1—200.
- Wichmann, Y. 1931, Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen, Helsinki (MSFOu LIX).

R. G. АХМЕТ'ЯНОВ (Kasan)

EINIGE TERMINI DER BRÄUCHE UND DER MYTHOLOGIE BULGARISCH-TSCHUWASCHISCHEN URSPRUNGS BEI DEN VÖLKERN DES URALISCH-WOLGAISCHEN GEBIETS

Im vorliegenden Artikel werden die Etymologien einer Reihe von Wörtern, die den Völkern des uralisch-wolgaischen Gebiets gemein sind, behandelt, und zwar: baschk. *šülgän* ~ komi *šü'ejkin* (russ. *шүликун*) 'böser Wassergeist'; tat. *šüräle* ~ udm., mari *šurali* 'Waldgeist'; tat. *lābār* ~ tschuw. *lāpār* 'Drache'; tschuw., tat. *juḡa* ~ udm. dial. *juḡo* (russ. dial. *юха*) 'Drache in Gestalt einer schönen Frau; schmeichlerische Frau; unartiges Kind'; tat. *jādāč*, mari *jatas* 'Brauch beim Eingehen einer Wette'; tat. *nardugan* ~ udm. usw. *nardugan* 'Brauch beim Wahrsagen in der Neujahrsnacht' u. a. m. Der Autor ist der Ansicht, daß die Verbreitung dieser Wörter schon in der bulgarischen Zeit (7.—14. Jh.) begonnen hat.